

Раздел II. ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК [94:271.2](470.44-25)1930/1937]+929

Для цитирования:

Зарубин Д.Е., Зарубина Е.Д. «Ключи от церкви отобраны»: закрытие церквей в контексте социальной политики коммунистов в Питерском районе Саратовской области в 1930–1937 годах // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024. № 1 (24). С. 66–103.

DOI: 10.56621/27825884_2024_24_66

Зарубин Дмитрий Евгеньевич,

редактор газеты «Ориентир»
Старооскольского завода автотракторного
электрооборудования им. А.М. Мамонова,
Российская Федерация, 309507, Белгородская область,
г. Старый Оскол, улица Ватутина, 54
z13711@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2162-6745

Зарубина Евгения Дмитриевна,

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Отдела памятников письменности
народов Востока Института востоковедения РАН,
Российская Федерация, 107031, г. Москва,
ул. Рождественка, д. 12
e.zarubina@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-7520-4281

«Ключи от церкви отобраны»: закрытие церквей в контексте социальной политики коммунистов в Питерском районе Саратовской области в 1930–1937 годах

Д.Е. ЗАРУБИН, Е.Д. ЗАРУБИНА

Аннотация: Здание церкви в дореволюционной России было не только местом богослужения, но и центром социальной активности, объединяя прослойку наиболее деятельных сельских жителей. Они обладали необходимой энергией, временем и средствами для того, чтобы поддерживать церковную сельскую инфраструктуру.

Говоря об антирелигиозной политике, проводимой после 1917 года, исследователи подчеркивают ее идеологическую направленность. Хотя присутствие данного аспекта не вызывает сомнений, в настоящей статье мы рассматриваем процесс закрытия православных церквей как составную часть социальной политики новой власти, направленной на

создание нового, советского общества в противовес дореволюционному комплексу социальных институтов. Одним из этапов этого курса было отчуждение здания церкви как физического воплощения старой системы у сообщества прихожан.

В настоящей статье на примере церквей сел Малого Узенья, Мироновки, Алексашкино и Питерки (современный Питерский район Саратовской области) анализируются стратегии местных советских органов власти, направленные на закрытие церквей. Статья преследует две цели: во-первых, восстановить хронологию событий, приведших к закрытию церквей в указанных населенных пунктах; во-вторых, выявить стратегии, методы и практики, использованные представителями советской власти на местах для того, чтобы разрушить церковно-гражданские социальные структуры через изъятие зданий церквей. Представляется не менее важным показать сопротивление сельских сообществ, назвать имена и по возможности документировать индивидуальные судьбы людей, связанных с работой церковной инфраструктуры.

Исследование производится на основе ранее не публиковавшихся материалов фондов государственных архивов Самарской и Саратовской областей, архива Управления Федеральной службы безопасности РФ по Саратовской области, дополненных воспоминаниями старожилов.

Ключевые слова: социальная политика коммунистов, закрытие церквей, Поволжье, 1930-е годы, сельская община, сопротивление, Саратовская область.

Введение

В здании церкви в дореволюционной России сосредотачивалась не только ритуальная (богослужебная), но и социальная активность. Если в городах, особенно с развитием системы земств, шло активное формирование альтернативных социальных институтов, то в сельской местности именно Православная Церковь (или соответствующие структуры церквей иных конфессий) предоставляла основную социальную инфраструктуру, и под ее эгидой существовали сельские социальные институты — до, а зачастую и после появления земских учреждений.

В настоящей статье на примере церквей сел Малого Узенья, Мироновки, Алексашкино и Питерки (современный Питерский район Саратовской области) рассматриваются стратегии местных советских органов власти, направленные на закрытие церквей и приспособление их зданий под иные нужды. Статья преследует две цели: во-первых,

восстановить хронологию событий, приведших к закрытию церквей в указанных населенных пунктах; во-вторых, выявить стратегии, методы и практики, использовавшиеся представителями советской власти на местах для того, чтобы разрушить церковно-гражданские социальные структуры через изъятие зданий церквей и передачу их в государственную собственность с возможным последующим изменением назначения здания. Представляется не менее важным показать сопротивление сельских сообществ, назвать имена и по возможности документировать индивидуальные судьбы людей, связанных с работой церковной инфраструктуры.

Рассматриваемые здесь населенные пункты до революции, в разное время, являлись административными центрами волостей. Возле двух из них — Питерки и Малого Узеня — находились и находятся одноименные железнодорожные станции. Кроме железной дороги, в этих селах имелась разветвленная церковно-гражданская система образования, действовали механические мельницы, где применялся наемный труд, а наиболее зажиточные крестьяне использовали сельскохозяйственную технику¹. В каждом из упомянутых сел было по церкви, в Малом Узене их было две.

Здание церкви выступало одним из основных элементов социальной инфраструктуры сельских общин. В нем не только совершались основные обряды жизненного цикла (крещение, венчание, отпевание), происходила их фиксация в различного типа документации — наличие церковного здания в собственности общины делало возможным деятельность церковно-приходских школ, церковное попечительство и так далее. Причиной появления этих институтов отчасти являлось само здание церкви, требовавшее ремонта, наличие священника предполагало постройку дома, открытие церковно-приходской школы также означало необходимость построить для нее здание или нанять квартиру.

Институты, обеспечивавшие эксплуатацию храма, проведение богослужений и приходскую деятельность, объединяли наиболее социально активную прослойку сельских жителей. Эти люди обладали необходимой энергией, организаторскими способностями, временем и средствами для того, чтобы подготовить и осуществить спектр действий, связанных с поддержанием функционирования церковной сель-

¹ См.: Новоузенский уезд в естественно-историческом и хозяйственном отношении, с приложением картограмм и диаграмм: По данным обследования 1908 г. Ч. 1—2. Новоузенск, 1912. С. 193—244.

ской инфраструктуры, начиная от ремонта здания церкви и заканчивая наймом квартиры для школы. Активные члены церковной общины, становившиеся церковными старостами и попечителями, а также занимавшие другие должности, координировали действия «мира» — собирали пожертвования, организовывали общественные работы, без которых полноценное функционирование сельской общины оказалось бы невозможным.

Говоря об антирелигиозной политике, проводимой коммунистами после 1917 года, исследователи прежде всего подчеркивают ее идеологическую направленность, борьбу атеистической идеологии с православием². Хотя присутствие данного аспекта не вызывает сомнений, здесь мы рассматриваем процесс закрытия православных церквей в сельских общинах Поволжья в первую очередь как составную часть социальной политики новой власти, направленной на создание нового, советского общества в противовес старой системе социальных институтов. Одним из этапов этого курса было разрушение системы социальных связей на селе, которые были в большинстве своем связаны со зданием церкви.

Реконструкция производится на основе ранее не публиковавшихся материалов фондов государственных архивов Самарской и Саратовской областей, Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Саратовской области, дополненных воспоминаниями старожилов. В процессе подбора документов мы столкнулись с несколькими сложностями. Во-первых, документы, касающиеся закрытия церквей в соответствующих районах и областях, находятся в нескольких современных архивах, степень каталогизации которых представляется недостаточной, что затрудняет составление полной картины. Во-вторых, степень изученности истории заволжского региона (демографических, социально-экономических и культурных аспектов) как в дореволюционный, так и в ранний советский периоды на данный момент представляется невысокой. Отсутствие сопоставительных данных мешает провести сравнительный анализ

² См., напр.: Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье: на примере борьбы с православием (конец 1920-х — начало 1940-х гг.) // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 119–127; Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: Власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). Волгоград, 1997. С. 187–197; Покровская С.В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925–1947): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2007. С. 40–50.

социально-экономического развития заволжских сел и с уверенностью указать на типичность рассматриваемых случаев, касающихся Малого Узена, Питерки, Алексашкино и Мироновки, для всего региона.

Тем не менее собранные данные дают возможность увидеть срез сельской жизни в Поволжье в 30-е годы XX века, включая сведения как о работе органов власти на низовом уровне, так и о деятельности сельчан, принимавших участие в кампании закрытия церквей — в качестве ее сторонников или противников. Немаловажным представляется и вопрос исследования идентичности — постепенного разрушения старой, формирования новой, советской, и скрытой религиозной, наследовавшей дореволюционной.

Статья состоит из пяти разделов. В первом представлен краткий обзор предпосылок, в рамках которых действовали представители местных органов власти и противостоявшие им члены церковных объединений. Следующие четыре раздела организованы по географическому принципу. Каждый из них посвящен реконструкции хронологии закрытия церкви (церквей) в Малом Узене, Мироновке, Алексашкино и Питерке. В заключении систематизированы практики и стратегии закрытия церквей и приведены некоторые общие замечания.

Политика советского государства по отношению к крестьянству и Церкви

Собственность всех религиозных конфессий на территории России была национализирована одним из первых декретов советской власти. Здания и культовое имущество с этого момента принадлежали государству и передавались в бесплатное пользование религиозной организации по договору³. Одной из основных целей политики нового государства была форсированная индустриализация страны, финансирование которой возлагалось на плечи крестьян⁴: предполагалось увеличение

³ Декретом Совета народных комиссаров от 2 февраля 1918 года Церковь была отделена от государства: «12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. 13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».

⁴ См., напр.: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 38–39, 46–48, 64–66; Ольсевич Ю.Я. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000; История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. М., 1959. (Главы 1–12); Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сборник документов. М., 1995. С. 198; Шийко В.Г. Формирование нового индустриального базиса для инновационного социально-ориентированного развития России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13–1. С. 130–132.

экспорта сельскохозяйственной продукции в обмен на оборудование и технику. Чтобы сохранить невысокие цены на хлеб и увеличить поставки продовольствия в город и на экспорт, советское правительство решило быстро ликвидировать в деревне единоличные хозяйства, которые не желали отдавать государству свою продукцию, и создать коллективные хозяйства⁵.

По мнению исследователей⁶, в 30-е годы XX века советское государство «занимало наиболее жесткую, по сравнению с предыдущим периодом, позицию по отношению к религиозным организациям, когда в центр вероисповедной политики была поставлена задача максимального сокращения “поля” для религии и церквей в советском обществе»⁷. Эта задача имела и ярко выраженный социальный аспект. Так, в постановлении ЦИК и Совета народных комиссаров СССР от 11 февраля 1930 года⁸ правительствам союзных республик предписывалось при регистрации органов церковного управления исключать из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц» и отказывать в регистрации тем религиозным объединениям, где не соблюдалось данное условие.

Одновременно с этим в селах и деревнях проходили съезды членов колхозов и другие собрания, инициированные властями, в решениях которых важнейшими задачами провозглашались «ликвидация» религии и «закрытие церквей». Таким образом, три кампании, а именно индустриализация, коллективизация и курс против религиозных организаций, были начаты одновременно⁹. Несмотря на различия

⁵ См.: Грегори П. Указ. соч. С. 53–54.

⁶ См., напр.: Подмарицын А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе: 1917–1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2005; Козлов Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 — начале 1940-х гг.: по материалам Чувашии. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2009; Малюкова Э.Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и советской власти в 1918–1937 гг.: на примере Пензенского края. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2010; Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Петрозаводск, 2006.

⁷ Одинцов М.И. Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма: 1917–1953 гг. М., 2014.

⁸ См.: Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 11 февраля 1930 г. // Одинцов М.И. Указ. соч. С. 194.

⁹ См., напр.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; Герман А.А. Из истории крестьянского сопротивления коллективизации в Саратовском Поволжье // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2017. № 3. С. 407–416; Фурман Е.Л. «Как ломали нэп»: раскулачивание и коллективизация крестьянских хозяйств в 1928–1930 годах в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2. С. 58–64.

в способах и методах, которыми осуществлялись кампании, направленные на слом существовавших социальных структур, их целью было сделать невозможным прежние способы социальной организации, чаще всего — через лишение ранее существовавших структур материальных опор в виде зданий и помещений, а также разобщение и физическое удаление (тюрьма, высылка) тех людей, которые были активны в рамках церковных организаций — священников, церковных старост, членов попечительских советов, прихожан.

Малый Узень

Пятиглавая каменная церковь в Малом Узене была построена в 1912 году тщанием прихожан и освящена 7 декабря 1913 года во имя Покрова Божией Матери. К храму, который мог вместить пять тысяч человек, относилась также деревянная колокольня. Прежний храм, построенный в 1870 году, при возведении новой церкви был перенесен в другое место, перестроен заново и освящен в 1902 году во имя Святой Живоначальной Троицы. Эта деревянная церковь, обложенная кирпичом и обнесенная оградой, могла вместить полторы тысячи человек¹⁰.

В Малом Узене, согласно клировой ведомости, было семь домов, в которых проживали мужчины (24) и женщины (16) духовного чина¹¹. Дома для священников обеих церквей были построены усилиями прихожан. Иными словами, на момент начала кампании, направленной на разрушение церковных институтов, в селе существовала активно действующая община, усилиями которой были построены и поддерживались в удовлетворительном состоянии две церкви, дома для церковнослужителей, которые являлись собственностью «общества слободы Малый Узень»¹², оплачивалась страховка зданий церквей и утварь для них.

Однако 7 октября 1932 года Питерский районный исполнительный комитет на основании протокола президиума Малоузенского сельсовета постановил изъять из пользования общины верующих прихода церкви Покровской слободы Малый Узень собор — государственное здание, которое дано было общине для совершения религиозных обрядов.

¹⁰ См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 9. Д. 228. Клировая ведомость о церкви Покрово-Богородицкой, состоящей в Новоузенском уезде Самарской епархии в слободе Малый Узень за 1913 год. Л. 152.

¹¹ См.: Там же. Л. 136.

¹² Там же. Л. 137.

Поводом для такого решения стала задержка уплаты налога за здание в 1364 рубля¹³.

Община обжаловала постановление Питерского райисполкома в Саратовском областном исполнительном комитете, указав, что «[о]бщина верующих не упорствовала в уплате налогов за прошлые годы, не упорствует и за текущий 1932 год. А по причине бедственного своего материального состояния, когда каждая семья крайне нуждается и в куске хлеба на свое продовольствие, частично платит часть налога и будет уплачивать. Община внесла 7 октября 150 рублей, квитанция № 30, 18 октября — 50 рублей, квитанция № 39. И сейчас вносит 50 рублей, остальные обязуется вносить по силе возможности, но уплатить весь оставшийся налог одновременно не в состоянии, — ввиду крайне бедственного и безысходного своего положения в материальном отношении»¹⁴.

Община верующих Малого Узеня просила отменить постановление президиума Питерского райисполкома на следующих основаниях: «Во-первых, церковь за все прошлые годы, в том числе время революции, была аккуратной плательщицей всех государственных на нее налогов. Во-вторых, и за текущий 1932 год отнюдь не упорствует в уплате налога на нее 536 рублей <...> платежи община производила 4 октября в сумме 234 рубля 60 копеек <...> 10.10.1932 г. в сберкасса сельсовета 100 рублей. Осталось уплатить <...> всего 304 рубля 40 копеек, в уплату которых община еще вносит сейчас 150 рублей. Остается внести еще 154 рубля 40 копеек. Эту последнюю сумму всего налога на церковь община обязуется беспрекословно и без всякого напоминания со стороны властей внести непременно к январю будущего 1933 года»¹⁵.

В своем письме община указывает, что постановления сельсовета и райисполкома несправедливы и в определении размера остального налога в 733 рубля 10 копеек. Так, председатель приходского исполнительного органа Елена Алексеевна Скорочкина считает, что «[с]ельсовет по своей какой-то математике неправильно высчитал в 800 квадратных сотках количество квадратных метров и наложил земельную ренту в 423 рублей 10 коп.»¹⁶.

¹³ См.: Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 312.

¹⁴ Там же. Л. 312–312об.

¹⁵ Там же. Л. 313об.

¹⁶ Там же.

После данного обращения в облисполком общину оставили в покое до августа 1933 года. 20 августа комиссия Питерского райисполкома при участии заместителя председателя Малоузенского сельсовета А. С. Мельникова и М. С. Фирсовой, представлявшей «коллектив верующих», провела обследование здания Покровского собора¹⁷.

После обследования был составлен акт, в котором перечислялись различные огрехи в состоянии здания. К ним относились, например, «темный грязный вид» наружных стен собора, крыша, которая «требует ремонта и покраски», облупившаяся и отставшая шпаклевка, отсыревшие стены¹⁸. Иными словами, зданию требовался ремонт, который община не могла произвести по причине «бедственного своего материального состояния», указанного еще в обращении к облисполкому.

Комиссия — за исключением представительницы общины М. С. Фирсовой, единственной отказавшейся поставить свою подпись под актом, — предписала «коллективу верующих» провести ремонт, который необходимо было сделать чуть более чем за месяц и закончить к 1 октября 1933 года¹⁹. Требовалось починить и покрасить крышу, сделать водосточные трубы, частично оштукатурить потолок, восстановить выбитые оконные стекла. В условиях бедственного положения на селе, на которое указывали члены общины, закупить материалы, найти работников и деньги для оплаты всего этого и провести указанный ремонт за месяц не было возможным.

Также в акте присутствовала существенная деталь: в период внутреннего ремонта в здании запрещалось проводить собрания. Таким образом, заведомо невыполнимый ремонт становился поводом для прекращения использования здания в качестве церкви. Теперь оставалось только документально закрепить отчуждение здания храма от общины верующих и сделать указанное положение постоянным. Именно это и было сделано в следующие три года. Рассмотрим хронологию событий.

В июне 1934 года Питерский райисполком представил в областной оргкомитет Всесоюзного центрального исполнительного комитета (ВЦИК) предложение о расторжении договора с «религиозным обществом» Покровского собора села Малый Узень на основании невы-

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 295.

¹⁸ См.: Там же. Л. 297.

¹⁹ См.: Там же. Л. 295об.

полнения общиной ремонта здания церкви²⁰. 25 июня областной оргкомитет ВЦИК согласился с этим предложением²¹, а 20 августа уже Питерский райисполком вынес постановление о расторжении договора и прекращении «молитвенных служений»²².

Несмотря на уже вынесенное постановление, община Покровского собора не оставила попыток сохранить храм. Церковный староста П. Н. Филатов и член исполнительного правления общины М. С. Фирсова направляют заявление в Саратовский краевой исполнительный комитет, указывая причины, по которым не смогли провести ремонт: «Нигде нельзя найти было ремонтного материала — гвоздей, краски и строительного материала». Заявители подчеркивают, что налоги с храма всегда уплачивались в срок, община обязуется провести ремонт в 1934 году и просит разрешения восстановить богослужения в храме²³. К заявлению прилагается список из шестидесяти членов общины Покровского собора в возрасте от двадцати двух до восьмидесяти пяти лет²⁴.

Однако президиум Питерского райисполкома 11 декабря 1933 года подтверждает постановление райисполкома. Решением президиума договор с общиной Покровского собора расторгается²⁵. Через шесть дней, 17 декабря, здание собора закрывают на замок. Еще через два дня проводится заседание президиума Малоузенского сельсовета, а также правлений колхозов имени Карла Маркса и имени В. В. Птуха, в котором решение питерцев относительно собора признаётся правильным²⁶. Члены Малоузенского сельсовета и колхозных правлений просят передать собор в распоряжение «общественных организаций» села с тем, чтобы организовать в здании дворец культуры²⁷.

Оргкомитет ВЦИК Саратовского края утвердил решение президиума Питерского райисполкома о расторжении договора с общиной Покровского собора 26 мая 1934 года²⁸ и подписал вывесить на дверях

²⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 293 (п. 43 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года. Согласно этой статье в случае невыполнения религиозным обществом каких-либо распоряжений административных органов договор может быть расторгнут).

²¹ См.: Там же. Л. 293.

²² См.: Там же. Л. 297-2.

²³ См.: Там же. Л. 297-2.

²⁴ См.: Там же. Л. 298.

²⁵ См.: Там же. Л. 300.

²⁶ См.: Там же. Л. 303–304.

²⁷ См.: Там же.

²⁸ См.: Там же. Л. 287.

церкви объявление о расторжении договора и возможности заключить новый договор при условии выполнения ремонта здания церкви; объявление было вывешено 7 июня. Оно содержало важную деталь: новый договор мог быть заключен с «религиозным обществом в лице *нового состава* граждан» (курсив наш. — Д. З., Е. З.). Для местных властей оказалось принципиальным заменить старых представителей общины, показавших свое упорство в сохранении здания церкви и способных организовать членов сообщества (например, М. С. Фирсову), на новых, которые не будут обладать ни схожим авторитетом, ни опытом, ни связями внутри общины, которые позволили бы эффективно организовывать ее членов. На этом примере отчетливо видно, что политика местных органов власти была направлена не только на отчуждение здания церкви, но и на разрушение общины как социального института.

Тем не менее община Покровского собора не сдавалась. 9 июня президиум Питерского райисполкома получил ходатайство от двадцати трех жителей села Малый Узень о сдаче им в аренду здания собора. Ходатайство было отклонено на основании того, что «данная группа состоит из коллектива верующих старого состава»²⁹. Церковь оставалась закрытой. Но М. С. Фирсова отказалась подписывать акт Питерского райисполкома о том, что нет верующих нового состава, которые хотели бы взять Покровский собор в пользование. Более того, она написала заявление в оргкомитет ВЦИК Саратовского края, что этот «акт не соответствует действительности», указав, что ходатайство было передано, но Питерский райисполком не дал ему хода, и приложила список из 458 имен верующих, ходатайствующих об открытии церкви³⁰.

21 июня 1934 года состоялось заседание президиума Питерского райисполкома, в рамках которого члены президиума попросили оргкомитет ВЦИК Саратовского края утвердить их решение о закрытии Покровского собора и разрешить переоборудовать здание под дом социалистической культуры. Ими было заявлено, что переоборудование здания обойдется в 15–20 тысяч рублей и «средства эти колхозами будут обеспечены»³¹. 5 июля оргкомитет ВЦИК Саратовского края рас-

²⁹ ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 284.

³⁰ См.: Там же. Л. 288.

³¹ Там же. Л. 289.

торгает договор с общиной верующих Покровского собора, подтверждая решение Питерского райисполкома³².

Борьба общины Покровского собора выходит на новый этап. 29 июля ее представители пишут жалобу в Саратовский краевой исполнительный комитет Совета депутатов, указывая, «что ходатайство от верующих было несколько раз <...> часть драгоценных вещей забрали <...> ключи от церкви отобраны Питерским райисполкомом <...>»³³. К жалобе прилагается список вновь организованного «молодого коллектива верующих» из тридцати пяти человек в возрасте от четырнадцати до двадцати двух лет³⁴, с которым община просит заключить новый договор на пользование собором.

Ответные действия направлены на то, чтобы лишить представителей общины авторитета. 30 августа в Саратовский краевой исполком поступает анонимный донос, в котором сказано, что председатель церковного совета Покровского собора М.С. Фирсова «украла ценную серебряную чашу». Также указывается, что «пропало много вещей и другого имущества», поэтому дело о краже следует «передать следователю и Фирсову с попом Плотниковым предать уголовному суду»³⁵. На этом этапе борьбы становятся очевидны противоречия в политике краевых (саратовских, а затем и всесоюзных) и местных — питерских и малоузенских — органов власти.

Так, несмотря на то что 9 сентября Саратовский крайисполком принял решение о передаче новому коллективу верующих здания Покровского собора, Питерский райисполком его не исполнил. В начале ноября православная община снова написала жалобу, на этот раз в ЦИК СССР и областной оргкомитет ВЦИК, о том, что райисполком отказывает в регистрации новой общины верующих и передаче в пользование последних Покровского собора³⁶.

Прокуратура Саратовского края провела проверку по этой жалобе, и Саратовский оргкомитет ВЦИК написал в ЦИК СССР, что постановления «о закрытии Покровской церкви в селе Малый Узень не было, состоялось лишь постановление о расторжении договора с общиной верующих за невыполнение пункта 4 договора о ремонте здания

³² См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 283.

³³ Там же. Л. 280.

³⁴ См.: Там же. Л. 281.

³⁵ Там же. Л. 276–276об.

³⁶ См.: Там же. Л. 268.

церкви»³⁷. В этом же ответе представители Саратовского оргкомитета отметили, что Питерскому райисполкому было предложено «не чинить препятствий в регистрации общины»³⁸.

Тем не менее на конец 1934 года Покровский собор по-прежнему стоял закрытый. И православная община вновь пишет жалобу в ЦИК СССР. Союзный ЦИК запрашивает Саратовский крайисполком, тот — Питерский райисполком. Последние 17 августа 1935 года сообщают в Саратов: «Вторично сообщаем, никаких заявлений от граждан села Малый Узень о желании взять здание и все культовое имущество Покровской церкви в райисполком не поступало»³⁹. В декабре 1935 года Саратовский оргкомитет ВЦИК указывает Питерскому райисполкому на то, что их сообщение о том, что заявление от верующих не поступало, «не будучи подкреплено соответствующими актами, никакой ценности для разрешения дела не имеет»⁴⁰.

Несмотря на это местные органы власти, в частности, Малоузенский сельсовет и Питерский райисполком, продолжили гнуть свою линию. Председатель Малоузенского сельсовета Макаров по предложению Питерского райисполкома 12 сентября 1936 года вывесил объявление относительно организации общины верующих и сдачи церкви в аренду на дверях Покровского собора⁴¹. Через восемь дней он же составил документ о том, что «желающих взять в аренду означенное здание и культового имущества не оказалось»⁴². После этого в кратчайшие сроки — всего через два дня — президиум Питерского райисполкома, добившийся наконец своего, а именно неиспользования здания собора, постановил собор «закрыть и использовать его на строительные материалы»⁴³.

При закрытии второй церкви — Троицкой — местные органы власти использовали другой сценарий, основанный на изъятии церковного имущества, отсутствие которого одновременно препятствовало совершению богослужений и связывало руки общине, обязанной возместить недосдачу. Отсутствие богослужений, в свою очередь, давало повод объявить, что здание не используется, и завершить процесс его отчуж-

³⁷ ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 270.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 266.

⁴⁰ Там же. Л. 226.

⁴¹ См.: Там же. Л. 261.

⁴² Там же. Л. 263.

⁴³ Там же. Л. 260.

дения от общины. Однако и в случае с Троицкой церковью православная община в лице своих представителей проявила большую настойчивость и упорство, пытаясь отстоять храм. Их главным противником, как и в случае с Покровским собором, оказался Питерский райисполком, чья политика была наиболее агрессивной, в то время как органы власти более высокого уровня зачастую оказывались более чувствительными к жалобам и ходатайствам со стороны религиозной общины. Рассмотрим хронологию событий.

Первая проверка имущества Троицкой церкви была проведена 8—9 июля 1934 года комиссией в составе инспектора по госфондам К. Кошелькова, члена Малоузенского сельского совета А.И. Скорочкина и представителей общины — Е.С. Судиновой, председателя исполнительного органа верующих, и Е.А. Скорочкиной, казначея⁴⁴.

В рамках работы комиссии инспектор по госфондам преимущественно занимался переоценкой стоимости имущества церкви в сторону ее увеличения. Например, в примечаниях к составленному комиссией акту инспектор Кошельков указал, что «в августе 1933 года было шесть колоколов разных размеров общей стоимостью 1000 рублей»⁴⁵. В момент проверки колоколов пять, но общая стоимость их от этого не менялась, они по-прежнему оценены инспектором в тысячу рублей. При этом инспектор никак не отреагировал на сообщение Судиновой и Скорочкиной о том, что недостающий колокол «весом примерно около 20—30 пудов»⁴⁶ был снят в 1927—28 годах сборщиком металлолома по церквям от советского правительства. В еще одном примечании зафиксировано, что «состояние церкви на день составления... акта остается в том же положении, что и в 1933 году»⁴⁷.

Расхождения между оценкой инспектора по госфондам и свидетельствами представителей общины продолжают и при оценке иного имущества. Судинова и Скорочкина утверждают, что в марте 1933 года Троицкую церковь ограбили и воры сорвали с одного из Евангелий серебряную оправу. Инспектор, не зная точного веса украденного, как, впрочем, и оставшегося, указывает их стоимость: «Вес сорванного серебра определяется в количестве одного килограмма, что составит

⁴⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 230.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

по 1 рубль 25 копеек за грамм — 1250 рублей. Оставшееся цельное евангелие по определению имеет более полутора килограмма серебра. За невозможностью определить точный вес — стоимость его определяется 2000 рублей»⁴⁸.

В результате проверки инспектор констатирует недостачу в размере 1401.50 рублей при общем наличном имуществе церкви в количестве 345 предметов стоимостью 27183.99 рублей. Инспектор приходит к выводу, что «здание церкви и находящееся в нем имущество брошено на произвол, а имущество, хранящееся в сторожке»⁴⁹, в которой, по сообщению того же акта, проживают уборщица (сноха священника Пантеровского) и ее помощница, также находится в опасности.

Такая проверка и ее результаты были восприняты в общине как первый шаг к закрытию церкви. В ответ на него представители общины 13 июля написали жалобу в Саратовский краевой исполнительный комитет, указывая, что переоценку стоимости церковного имущества производил инспектор, не имеющий соответствующего опыта, вместе с не знающими назначения вещей свидетелями, в результате чего указанная в акте стоимость была сильно завышена. Они считали, что целью завышения стоимости церковного имущества было увеличение налога. Также они указали, что инспектор включил в подсчет и утраченное по ветхости и негодности имущество, стоимость которого, кроме всего прочего, не соответствовала указанной⁵⁰. Одновременно с этим они прямо пишут об опасности закрытия последней церкви села, «без которой огромное население лишится выполнения природно-религиозных обрядов, без которых не может жить»⁵¹.

Представители общины ссылались и на советский закон, который, по мнению Судиновой и Скорочкиной, стоял на их стороне. Так, они пишут: «[н]о ведь цели начисления платежей производством новой переоценки имущества церкви строго воспрещено (Так в тексте. — *Прим. ред.*) циркулярами правительства, НКФ РСФСР 1931 года № 68»⁵². Однако никакой из приведенных ими аргументов не помешал Кошелькову наложить на общину взыскание размером в 1401 рубль 50 копе-

⁴⁸ ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 230.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 255.

⁵¹ Там же. Л. 254–254об.

⁵² См.: Там же. Л. 254об.

ек и пригрозить закрытием церкви в случае неуплаты денег к 19 июля 1934 года⁵³. В заключительной части жалобы председатель церковного совета и казначей указывают, что не согласны с произведенной оценкой имущества, просят освободить их от взыскания и оставить вопросы ремонта здания церкви и относящихся к ней сооружений на усмотрение общины⁵⁴. К жалобе были даже приложены пустые почтовые конверты — видимо, чтобы ускорить получение ответа.

В жалобе содержится интересный пример внутриобщинной кооперации. Инспектор в своем отчете поднял вопрос об охране церкви и отсутствии мужчины-сторожа. В ответ на это представители общины указывают, что церковь охраняют они сами, при этом им помогают члены общины, священник и две женщины, которые живут в сторожке «в качестве уборщиц и караульных»⁵⁵. По-видимому, организовывали смену караульных председатель церковного совета и казначей — Судинова и Скорочкина.

8—9 июля была проведена проверка, а меньше чем через неделю, 14 июля 1934 года, инспектор Кошельков изъял у общины восемь серебряных предметов для богослужения общим весом более 2 килограммов 300 граммов «для передачи и хранения в Питерское отделение Госбанка»⁵⁶. Через три дня, 17 июля, представители общины пишут жалобу прокурору Саратовского края⁵⁷, повторяя доводы предыдущей жалобы в Саратовский крайисполком. Они подчеркивают, что всё это время исправно платят налоги⁵⁸, но несмотря на это из-за произвола инспектора Кошелькова церковь осталась без Евангелия, без которого невозможно проводить службу⁵⁹.

Еще через четыре дня, 21 июля, представители общины повторяют жалобу на действия Кошелькова прокурору Саратовского края, добавляя в конце: «Если и Вы не заставите немедленно и беспрекословно возратить общине указанные вещи, снять противозаконный штраф, тогда мы будем вынуждены обратиться к Верховному Правительству Советской власти, а это нежелательно»⁶⁰. В этой же жалобе они

⁵³ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 254об.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 256—257.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 236.

⁵⁷ См.: Там же. Л. 247.

⁵⁸ См.: Там же. Л. 249об.

⁵⁹ См.: Там же. Л. 249, 251.

⁶⁰ Там же. Л. 252.

просят прислать ответ не только Питерскому райисполкому, но и общине, поскольку не надеются, что местная власть поставит их в известность о принятом решении.

Через неделю, 27 июля 1934 года, состоялось заседание президиума Питерского райисполкома, где рассматривался вопрос о состоянии здания и всего культового имущества Троицкой церкви в селе Малый Узень, главным докладчиком выступил инспектор Кошельков⁶¹. Постановление президиума было однозначным: по мнению его членов, община Троицкой церкви не считается с обязательствами, взятыми по договору аренды, не имеет сторожа для охраны имущества, не выполняет «предложение РайФО о внесении в семидневный срок 1401 рубль 50 коп в возмещение расхищенного имущества». В связи с этим указанная сумма должна быть взыскана «в бесспорном порядке с членов исполнительного органа верующих», а в оргкомитет ВЦИК должна быть направлена просьба о расторжении договора с общиной⁶².

В начале октября представители общины снова написали жалобу на изъятие вещей и незаконный штраф в оргкомитет ВЦИК. Оргкомитет принял доводы общины и в своем ответе 29 октября 1934 года Питерскому райисполкому сообщил, что с верующих должна быть взыскана стоимость недостающих вещей в 101 рубль, а не 1401 рубль, а серебряные вещи, изъятые без согласия общины, должны быть возвращены⁶³. Одновременно с этим оргкомитет ВЦИК попросил Питерский райисполком предоставить ему документы, чтобы расторгнуть договор с общиной верующих на пользование зданием церкви⁶⁴. В августе следующего года уже краевой орган власти — Саратовский краевой исполнительный комитет Совета рабочих крестьянских и красных депутатов — предложил Питерскому райисполкому расторгнуть договор с обществом верующих Троицкой церкви Малого Узеня и передать здание церкви новому обществу верующих⁶⁵.

Окончательные итоги борьбы общины как Троицкой церкви, так и Покровского собора были подведены 10 ноября 1939 года. В этот день президиум Саратовского областного исполнительного комитета на основании того, «что находящиеся в селе Малый Узень две церкви

⁶¹ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 243.

⁶² См.: Там же. Л. 243—244.

⁶³ См.: Там же.

⁶⁴ См.: Там же.

⁶⁵ См.: Там же. Л. 228.

под названием “Собор” и “Троицкая” бездействуют с 1933 года и коллективов верующих при них не имеется», а подавляющее большинство населения села просит передать здания под школы, постановил церкви ликвидировать, здания передать Питерскому райисполкому для превращения в школы, а имущество — в фонд госимущества⁶⁶.

Нужно отметить, что обе предпосылки для ликвидации церквей, названные в постановлении президиума, противоречат известным нам документам. Особенно очевидно это в отношении «коллективов верующих», представители которых писали многочисленные жалобы в органы власти различных уровней, подписывали акты, организовывали охрану церковного имущества, но которых, по мнению Саратовского исполнительного комитета, не существовало. Ходатайства от населения Малого Узенья, которые свидетельствовали бы о желании переоборудовать здания церквей, нам также неизвестны.

Мироновка

Казанско-Богородицкая церковь в селе Мироновка была построена в 1908 году, так же, как и церкви в Малом Узене, на средства прихожан. Деревянное здание, обложенное кирпичом, с железной крышей, могло вместить порядка четырехсот человек⁶⁷. К церкви относились колокольня, часовня, а также здание сторожки и церковно-приходской школы — первый, кирпичный, этаж здания занимали сторожа, а второй — школа⁶⁸. Церковь, колокольня и школа-сторожка были застрахованы⁶⁹. Дома для священника и псаломщика были построены на средства попечителей церкви в 1907–1910 годах и также застрахованы на достаточно крупные суммы — 3000 и 500 рублей соответственно⁷⁰.

Для закрытия этой церкви были применены уже известные нам на примере Малого Узенья приемы. 3 октября 1933 года в Мироновку приехали представители Питерского райисполкома, и была составлена комиссия из Г.А. Митрофанова (председателя сельсовета), В.С. Миллера (представителя от районного финансового отдела), И.С. Сояпина (представителя церковной общины) под руководством Н.М. Федорова, заместителя председателя Питерского райисполкома. Комиссия осмотрела

⁶⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 85.

⁶⁷ См.: Там же. Л. 154.

⁶⁸ См.: Там же. Л. 155.

⁶⁹ См.: Там же. Л. 154.

⁷⁰ См.: Там же. Л. 155.

церковь, отметив недостатки в состоянии здания — трещины на стенах, разбитые оконные стекла, потрескавшиеся ступеньки лестниц, отставшую штукатурку, протечку крыши и так далее⁷¹. Результат работы комиссии оказался предсказуемым: общине было предложено менее чем за два месяца провести ремонт здания и закончить его к 1 декабря 1933 года, а до этого момента предписывалось «воспретить коллективу верующих [проведение] всяких служб и собраний верующих»⁷².

Следующим летом, 29 июня 1934 года, была проведена проверка церковного имущества, хранящегося в здании церкви. Комиссия возглавлялась уже известным нам инспектором по госфондам Питерского райфо Кошельковым, а результаты ее работы оказались аналогичны достигнутому при проверке Троицкой церкви в Малом Узене: была произведена переоценка некоторых предметов в сторону повышения их стоимости⁷³. Также в акте было указано, что отсутствует деревянная часовня и нет зданий церковно-приходской школы и двух сараев, которые были сломаны сельсоветом в том же году.

Инспектор не обошел своим вниманием и амбар, который в 1925 году был оценен в 20 рублей, а в 1932 году продан церковным советом Моршано-Мироновскому сельскому совету за 70 рублей⁷⁴. Он указал, что община не имела права продавать деревянный амбар, и отметил, что раз «амбар продан еще в начале 1932 года, то стоимость его в 1934 году оценивается в 2,5 раза дороже, то есть в 175 рублей». Он также упомянул наличие на колокольне «сильно треснутых» колоколов и указал на необходимость «просить соответствующие организации снять эти колокола»⁷⁵.

На основании составленного комиссией акта президиум Питерского райисполкома 27 октября 1934 года на заседании оргкомитета ВЦИК Саратовского края попросил расторгнуть договор с общиной Казанско-Богородицкой церкви села Мироновка, снять колокола и передать их «Металлолому». Для саратовского ВЦИК главным оказалось то, что община не выполнила в течение года ремонт здания церкви, и потому они согласились с представлением питерцев⁷⁶. В ответ на это в ноябре

⁷¹ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 96.

⁷² Там же.

⁷³ См.: Там же. Л. 97.

⁷⁴ См.: Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 100.

⁷⁶ См.: Там же.

представители общины написали жалобу на действия Питерского райисполкома в оргкомитет саратовского ВЦИК.

Реакция на эту жалобу остается не до конца известной, однако 2 декабря 1934 года президиум Питерского райисполкома повторно запретил «проведение всяких служб и собраний в церкви»⁷⁷ и снова попросил саратовский оргкомитет ВЦИК расторгнуть договор с православной общиной Мироновки. Исходя из этого, можно предположить, что жалоба возымела действие.

Несмотря на то что представители общины внесли в госбанк за проданный амбар 175 рублей еще 4 июля 1934 года⁷⁸, Питерский райисполком также поручил районному прокурору провести следствие и «привлечь к законной ответственности лиц, виновных в самовольной продаже амбара, как за разбазаривание госимущества»⁷⁹. Иными словами, райисполкому требовалось отстранить от дел наиболее деятельную часть общины — церковный совет, члены которого не только «самовольно продали амбар», но и продолжили писать жалобы на действия местных властей: следующая жалоба в оргкомитет ВЦИК была отправлена в середине декабря. По-видимому, в качестве реакции на эту жалобу 28 декабря оргкомитет ВЦИК напомнил Питерскому райисполкому о решении организовать новый «коллектив верующих», которому следует передать здание церкви⁸⁰.

После этого архивы молчат относительно церкви в Мироновке до мая 1936 года, когда Питерский райисполком представил в Саратов «ходатайство граждан села Мироновки в количестве 1811 человек, или 83% от 2159 человек всех избирателей села»⁸¹ о закрытии церкви. Десятого июня того же года Саратовский краевой исполком удовлетворил ходатайство⁸², в ответ на это решение община снова написала жалобу в оргкомитет ВЦИК.

В 1936 году продолжается атака и на наиболее активных членов общины. Так, был арестован и осужден на шесть месяцев принудительных работ священник церкви Василий Иванович Евстифеев. Его вина

⁷⁷ ГАСО. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306. Л. 95.

⁷⁸ Согласно справке бухгалтера Питерского райфо тов. Канищева. См.: Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См.: Там же. Л. 92.

⁸¹ Там же. Л. 92.

⁸² См.: Там же.

состояла в «собрании сведений о рождении и смерти»⁸³. Социальные структуры, опиравшиеся на церковь, не имели права существовать в новом, советском пространстве и уж тем более не могли представлять альтернативу советской системе.

В самом конце 1936 года, 30 декабря, президиум всероссийского ВЦИК отменил решение Саратовского крайисполкома, постановив оставить церковь «в пользовании верующих»⁸⁴. В середине января следующего 1937 года саратовцы предложили Питерскому райисполкому вернуть церковь в Мироновке в пользование обществу верующих⁸⁵.

В марте этого года в село ненадолго возвратился священник, отбывший весь срок наказания. Но в полночь 15 августа его вновь арестовывает НКВД — за антисоветскую агитацию. В церковной сторожке, где он жил, проводится обыск и изымаются дарохранительница, купель для крещения и ключи от храма. Священника переправляют в саратовскую тюрьму, а 19 сентября он приговаривается тройкой НКВД к высшей мере наказания. Его расстреливают в Саратове 23 сентября в 23 часа⁸⁶.

В августе были арестованы еще десять жителей села Мироновки, входивших в общину Казанско-Богородицкой церкви. Им предъявили обвинение в участии в «антисоветской группировки (Так в тексте. — *Прим. ред.*), возглавляемой священником Евстифеевым, монашкой Егоровой и псаломщиком Жулидовым»⁸⁷. Приговор им вынесли в сентябре — половина из них была осуждена на 8–10 лет заключения, вторая была приговорена к расстрелу. Таким образом, наиболее активная часть общины была физически устранена из села.

Неудивительно, что в самом конце декабря 1939 года президиум Питерского райисполкома принял решение о ликвидации церкви на основании «ходатайства граждан села Мироновки»⁸⁸. Писать жалобы на это решение, по-видимому, было уже некому, а потому 21 марта 1940 года исполком Саратовского областного Совета депутатов трудящихся его утвердил. В постановлении было указано, что церковь в Мироновке бездействует с 1937 года. Здание церкви передали Моршано-

⁸³ Архив управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Саратовской области (далее — архив УФСБ по СО). Д. ОФ-21726 по обвинению Евстифеева В.И. и еще девяти человек. Л. 10.

⁸⁴ ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 88.

⁸⁵ См.: Там же. Л. 87.

⁸⁶ См.: Архив УФСБ по СО. Д. № ОФ-21726. Л. 12–13.

⁸⁷ Там же. Л. 51–169.

⁸⁸ ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 1.

Мироновскому сельсовету для использования в качестве культурного учреждения, а имущество отправили в фонд госимущества⁸⁹.

Алексашкино

Согласно последней клировой ведомости Казанско-Богородицкая церковь в селе была деревянной на каменном фундаменте, с пятью главами и колокольной. Прихожане построили также двор для священника с деревянным домом и всеми строениями (амбар, конюшня, сенник и так далее)⁹⁰.

По воспоминаниям старожилов, в 1929 году в Алексашкино приехала группа коммунистов из районного центра — Питерки — и Саратова, которые забрали из церкви позолоченный иконостас и позолоченные кресты. Женщину — церковного сторожа, которая их прилюдно прокляла, — арестовали и увезли в Саратов⁹¹.

Относительно следующих двух с половиной лет существования церкви документальных свидетельств найти не удалось. Первым свидетельством ее существования в советское время является акт осмотра здания церкви, проведенный в августе 1933 года представителями Питерского райисполкома, Алексашкинского сельсовета, районного управления образования и представителем от общины У. Рогулиным. Акт предписывал провести ремонт здания — покрасить крышу, пол, внутренние и наружные стены, починить крыльцо, лестницы и перила колокольни, застеклить окна. Ремонт следовало закончить не позднее 1 октября, а до того момента — прекратить службы⁹².

Однако через год, в июле 1934 года, когда на заседании Питерского райисполкома были рассмотрены результаты проверки церковного имущества, чиновники констатировали, что община церкви «не производил[а] и не желает производить ремонта зданию церкви»⁹³. Кроме этого, в вину общине ставилось отсутствие сторожа, вследствие чего имуществу был нанесен ущерб, а также отсутствие учета «вновь поступавшему имуществу». Не был выделен в отдельный пункт,

⁸⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 1.

⁹⁰ См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1688. Л. 5–6.

⁹¹ См.: Воспоминания Шустова В.А. в интервью В. Меринковой. [Аудиозапись]. 2019. Из личного архива Зарубина Д.Е., Зарубиной Е.Д.

⁹² См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 220–220 об.

⁹³ Там же. Л. 222.

однако был упомянут в акте факт проживания в церковной сторожке священника⁹⁴. На основании этих нарушений президиум райисполкома просил оргкомитет ВЦИК расторгнуть договор с «религиозным обществом» Казанско-Богородицкой церкви, взыскать с общины нанесенные имуществу убытки в количестве 362 рубля, а также снять «все расколотые колокола», зачислить их в госфонд, а затем сдать в «Металлолом»⁹⁵.

Выписка из протокола заседания президиума Питерского райисполкома с просьбой о расторжении договора с религиозным обществом Казанско-Богородицкой церкви в селе Алексашино была отправлена в Саратовский оргкомитет ВЦИК. Однако Саратов райисполкому отказал, сославшись на отсутствие необходимого для закрытия церкви количества документов. И храм в Алексашино продолжал принимать верующих, а священник — проводить службы⁹⁶.

В конце января 1937 года президиум Питерского райисполкома предложил финансовому отделу провести проверку сохранности имущества, переданного общине церкви, ремонта и охраны здания. На февраль был назначен доклад по результатам проверки⁹⁷. После этого, в марте-апреле 1937 года, сельская ячейка коммунистической партии активно агитировала жителей Алексашино подписать заявление о закрытии церкви, но из-за влияния священника и общины документ был подписан только коммунистами и комсомольцами. Их подписей не хватило для закрытия храма⁹⁸.

По-видимому, именно поэтому следующие действия представителей райцентра, как и в случае с Мироновкой, были направлены против священника. В августе 1937 года было возбуждено дело № 6472 по обвинению священника А. Ф. Фадеева и самой активной части общины — председателя церковного совета Д. И. Никольникова, регента церковного хора и помощника председателя церковного совета А. И. Асмолова, церковной старосты А. П. Майоровой, а также В. С. Спесивцева и И. Ф. Трубаева — в антисоветской деятельности⁹⁹.

⁹⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 222.

⁹⁵ См.: Там же.

⁹⁶ См.: Там же. Л. 218.

⁹⁷ См.: Там же. Л. 222.

⁹⁸ См.: Архив УФСБ по СО. Д. ОФ-20105 по обвинению Фадеева А.В. и еще шестерых человек. Л. 93.

⁹⁹ См.: Там же. Л. 89.

Их арестовывают 10 сентября 1937 года и переправляют в саратовскую тюрьму, а церковь закрывают и опечатывают¹⁰⁰.

Арестованным священнику и членам общины предъявили обвинения в праздновании Пасхи, Красной горки, Троицы, а также в том, что в дни праздников церковь посещали верующие из Питерки, Ершова, Немецкой АССР. Это привело к тому, что в праздники простаивали сельскохозяйственные агрегаты в двух колхозах села, а механизаторы не работали. Парторг одного из колхозов дал показания, что арестованные демонстративно молились, а также агитировали женщин не подписывать заявление о закрытии церкви¹⁰¹.

Судебная тройка при УНКВД по Саратовскому краю 29 сентября 1937 года приговорила к расстрелу А.Ф. Фадеева, Д.И. Никольникова, А.И. Асмолова, И.Ф. Трубаева. Двое других арестованных — А.П. Майорова и В.С. Спесивцев — получили соответственно восемь и десять лет концлагерей¹⁰². В десять часов вечера 5 октября 1937 года четверо узников были расстреляны в Саратове, а Майорова и Спесивцев отправлены в Воркуту¹⁰³.

В отсутствие наиболее активной части православной общины, которая была способна как самостоятельно действовать в рамках бюрократической системы (подавать жалобы, писать ходатайства и так далее), так и организовывать сопротивление остальных прихожан, церковь осталась закрытой. Спустя короткое время ее начали использовать как склад для колхозного зерна.

Питерка

Как мы увидели на примерах сел Питерского района, именно Питерский райисполком играл главную роль в закрытии церквей, зачастую игнорируя постановления органов власти в Саратове. Каким же образом райисполком обошелся с Михаило-Архангельской церковью, действовавшей в Питерке?

Деревянная церковь с каменной колокольной была построена в 1857 году на средства прихожан¹⁰⁴. Закрыли ее в 1935 году.

¹⁰⁰ См.: Архив УФСБ по СО. Д. ОФ-20105. Л. 87.

¹⁰¹ См.: Там же. Л. 100.

¹⁰² См.: Там же. Л. 113.

¹⁰³ См.: Там же. Л. 120.

¹⁰⁴ См.: Клировая ведомость о церкви Михаило-Архангельской, Новоузенского уезда, Самарской епархии в селе Питерка за 1913 год // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 228. Л. 214.

Райисполком требовал от общины вернуть имущество, которое было похищено из церкви в 1927 году, несмотря на то, что преступники из Саратова были задержаны, осуждены, а стоимость похищенного взыскана с них и передана в государственную казну¹⁰⁵. Колокольной было запрещено пользоваться еще раньше — из-за трещины, обнаруженной дорожным техником, осматривавшим здание, хотя, по собственному признанию прокурора Питерского района, «она еще сто лет простоит»¹⁰⁶.

Представители общины отправили жалобу на действия райисполкома в оргкомитет ВЦИК по Саратовскому краю, однако результат ее оказался неожиданным. Вместо открытия церкви в два часа ночи 16 августа 1937 года был арестован за контрреволюционную деятельность псаломщик и регент Михаило-Архангельской церкви Питерки до 1933 года Р.П. Жулидов. В 1933 году он организовал в селе колхозный хор, который, как считали представители Питерского районного отдела НКВД, «был в действительности церковный хор», и был лишен избирательных прав как служитель культа¹⁰⁷.

Жулидова отвезли в саратовскую тюрьму, и 19 сентября на заседании тройки НКВД предъявили обвинение в агитации, направленной «против колхозного строительства и на разложение трудовой дисциплины в колхозе», восхвалении жизни до революции и распространении «злой клеветы, направленной на дискредитацию существующего строя»¹⁰⁸. Через четыре дня, 23 сентября, он был расстрелян в Саратове¹⁰⁹.

Арест Р.П. Жулидова не был единственным. Через две недели, 1 сентября, за контрреволюционную деятельность была арестована «доморощенная монашка»¹¹⁰ П.П. Жулидова, сестра регента. Ранее она была лишена избирательных прав за служение в Михаило-Архангельской церкви. Она также отстаивала открытие храма, «ведя за собой колхозниц села Питерки»¹¹¹. На заседании тройки НКВД

¹⁰⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 241.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ См.: УФСБ по СО. Д. ОФ-21726, по обвинению Евстифеева В.И. и еще девяти человек. Л. 166.

¹⁰⁸ Там же. Л. 175.

¹⁰⁹ См.: Там же.

¹¹⁰ Предположительно ее называли так потому, что в монастыре она не состояла, но, проживая в селе, вела себя как монахиня: никогда не состояла в браке, соблюдала все церковные правила и законы, праздники, трижды в день молилась, ходила в церковь и работала там за продукты. Одевалась и обувалась за счет подаяний сельчан. Проживала в доме брата Жулидова Р.П.

¹¹¹ Там же. Л. 101.

в тот же день, когда судили ее брата, ей было предъявлено схожее обвинение: антисоветская контрреволюционная агитация, предоставление помещения для «сборищ антисоветской группы церковников»¹¹². Она была расстреляна в Саратове в один день с братом.

Как видно по представленным сведениям, процесс закрытия церкви в Питерке был самым коротким. В его рамках использовались доказавшие свою эффективность средства: физическое удаление из села наиболее активных членов общины, способных ее организовать, а также бюрократические процедуры, фиксирующие неудовлетворительное состояние здания церкви, и настаивание на немедленном проведении ремонта. Отсутствие выполненного ремонта становилось формальным поводом для закрытия храма, которому, после ареста самых заметных членов общины, никто не мог воспротивиться.

Другие населенные пункты Питерского района

Схожие стратегии были применены и в других селах Питерского района. Показательным примером очень быстрого закрытия церкви может служить ситуация в селе Новотулка, отраженная в жалобе верующих в саратовский орготдел ВЦИК. В ноябре 1929 года новотульские коммунисты предложили собранию граждан села закрыть церковь, а уже на следующий день были сняты колокола, а церковные книги сожгли в купели. За этим последовали аресты наиболее активных членов и руководителей общины верующих¹¹³.

Прокурор Питерского района в 1934 году провел проверку жалоб верующих из различных населенных пунктов и в своем докладе от 14 августа указал, что в районе осталась лишь одна церковь, которую также собираются закрыть. При этом закрытия церквей проводятся в «административном порядке», а «необоснованность некоторых требований райисполкома»¹¹⁴ более чем очевидна для населения.

Тем не менее процесс закрытия храмов продолжился. В начале августа 1934 года была закрыта церковь в слободе Августовке, расположенной неподалеку от села Малый Узень¹¹⁵. В 1935 году была закрыта

¹¹² УФСБ по СО. Д. ОФ-21726, по обвинению Евстифеева В.И. и еще девяти человек. Л. 177.

¹¹³ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 211. Л. 256–256об., 269; Яковлева Ж.В. «Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!»: Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х — начало 1940-х гг.). Саратов, 2020. С. 71.

¹¹⁴ ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 240.

¹¹⁵ См.: Там же. Л. 277.

церковь в селе Агафоновка¹¹⁶. Питерский райисполком использовал прежний предлог для расторжения договора: неисполнение ремонта («необходимо покрасить крышу и масляной краской покрасить стены и пол, починить крыльцо и сделать ограду»¹¹⁷).

Несмотря на многочисленные жалобы верующих и прокурорскую проверку, президиум Питерского райисполкома был твердо уверен, что «[с]лучаев закрытия молитвенных зданий без санкции Саратовского облисполкома не было»¹¹⁸. Тем не менее жалобы верующих в вышестоящие органы заставили Питерский райисполком потребовать от сотрудников районного финансового отдела провести в сельских советах инструктажи о правах райфинотдела по отношению к зданиям церквей и культовому имуществу, которое Питерский райисполком считал государственным¹¹⁹.

Райисполком также указал финансовому отделу, что тот в недостаточной степени занимается «[у]четом культового имущества, проверкой его сохранности», что может привести к хищениям и порче¹²⁰. Районному финансовому отделу было предписано не реже трех раз в год производить «проверку выполнения религиозными обществами обязательств по договору» и, если таковые не выполнены, выносить на обсуждение президиумом вопрос о расторжении договора. К нарушениям договора, ведущим к его расторжению и последующему закрытию церкви, были отнесены: неисполнение ремонта, отсутствие охраны здания церкви и имущества, а также «распад общества верующих»¹²¹. Нарушения по этим пунктам активно использовались райисполкомом для закрытия церквей, а регулярные проверки райфинотдела должны были давать властям в Питерке достаточно поводов для закрытия немногих еще действовавших храмов.

Стратегии и практики закрытия церквей

Ключевым элементом в процессе закрытия церквей выступало расторжение договора с общиной верующих. Этот элемент присутствовал как во всех разобранных выше случаях, так и во внутренних постанов-

¹¹⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 306. Л. 218.

¹¹⁷ Там же. Л. 241.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ См.: Там же. Л. 218.

¹²⁰ См.: Там же. Л. 241.

¹²¹ Там же. Л. 218об.

лениях Питерского райисполкома. Наиболее простым способом было расторгнуть договор на основании невыполнения двух его пунктов — о ремонте здания церкви и его охране.

Нужно отметить, что выполнение этих пунктов общиной было, как правило, малореализуемым. В жалобах представители сообществ верующих указывают на бедность, не позволявшую собрать нужные средства, отсутствие материалов для ремонта. Охрана здания на требуемом уровне также была затруднительной: мужчины были заняты в колхозах, а другие сторожа не считались достаточно надежными. Питерский райисполком, как правило, не принимал эти обстоятельства во внимание.

Однако процесс закрытия церквей наталкивался на сопротивление со стороны прихожан, в особенности самой активной их части, представлявшей общину. Уже на первом этапе представители сообщества писали многочисленные жалобы на действия местных властей, в том числе — во всесоюзные инстанции. Эти жалобы оказывали на Питерский райисполком действие достаточное для того, чтобы изменить тактику: стало очевидным, что пока на селе присутствует наиболее активная прослойка прихожан, являвшихся представителями общины в различных инстанциях, закрывать церковь оказывается затруднительным.

На этом этапе выходит на первый план социальная природа борьбы между общинами и местными властями за сохранение церквей. Косвенное свидетельство этому обнаруживается и в документах, где звучит требование организовать новый «коллектив верующих» взамен старого. Именно «коллектив верующих» являлся альтернативой новым сообществам, организованным советской властью. Более того, община верующих была институтом гораздо более долговременным, имевшим большее влияние среди сельчан, чем какая-либо из вновь созданных социальных общностей. Пока «коллектив верующих» продолжал существовать, пока в его распоряжении оставалась точка притяжения — здание церкви — и были актуальны общие задачи, связанные с поддержанием его существования, он представлял угрозу для новых советских социальных структур.

Именно поэтому необходимым этапом в процессе закрытия церквей района стала дискредитация, а в ряде случаев и арест представителей общины. В некоторых населенных пунктах (например, в Малом Узене) обязательной была и реорганизация «коллектива верующих».

Новый договор на пользование зданием церкви мог быть заключен исключительно с «религиозным обществом» нового состава. Эта формулировка означала, что старая верхушка общины, представлявшая интересы ее членов и, как успели убедиться местные власти, готовая продолжать писать жалобы и противостоять начавшемуся процессу закрытия церкви, более не могла участвовать во взаимодействии с властями.

Формирование общины «нового состава», однако, было самой мягкой формой противостояния с наиболее социально активной частью сельского сообщества. В Алексашкино и Питерке верхушка старой общины была арестована и после предъявления обвинения в контрреволюционной агитации заключена в тюрьму или расстреляна. Аресты представителей общины служили также и предупреждением тем, кто, возможно, был готов занять их место. После этого церкви закрывались на основании указанных выше нарушений договора, и эти решения уже некому было обжаловать.

Таким образом, первым этапом в процессе закрытия церковей было изыскание формального повода для расторжения договора на использование здания с общиной. Вторым этапом являлось устранение тем или иным способом наиболее активных членов общины. После этого местные власти закрывали церковь.

Термины, использовавшиеся органами власти различного уровня для обозначения общин, сложившихся вокруг церквей, показывают, какое место они занимали в системе «воображаемых сообществ»¹²² советского государства. При обозначении общин никогда не употребляется слово «православная». Это умолчание является, пожалуй, самым ярким свидетельством противостояния на идеологическом уровне. В документах, относящихся к местному (Питерка) и областному (Саратов) уровням, общину обозначают как «общество верующих», «коллектив верующих», «религиозное общество», «религиозное общество верующих». Редко — и только в документах из Москвы и Саратова — появляется термин «община верующих».

Использование терминов «коллектив» и «общество» ставило православную общину в один ряд с иными многочисленными коллективами и обществами, существовавшими в рамках советской социальной системы. К таковым относились, в первую очередь, коллективные

¹²² Термин Б. Андерсона. См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках распространения национализма. М., 2016.

хозяйства — колхозы, а также коллективы избирателей, коллективы граждан и так далее. Термин «общество» также не был исключительным для православной общины, но мог относиться, например, к обществу авиалюбителей. «Советский человек» мог одновременно являться членом нескольких коллективов, в то время как «православный человек» мог быть членом только одной общины — православной¹²³. Через использование упомянутых терминов происходило переосмысление православной общины на символическом уровне: из главного социального института, структурировавшего сельскую жизнь, она превращалась в одно из многих сообществ, существовавших в рамках советского государства. Особенно выгодным было подобное превращение для местных органов власти, непосредственную конкуренцию которым она составляла. Именно поэтому в документах, относящихся к местному уровню, никогда не используется слово «община».

При разборе случаев закрытия церквей в Питерском районе становятся заметными различия в политике местных (Питерский райисполком) и областных, а также союзных органов власти. Если Питерский райисполком выступал инициатором закрытия церквей, то позиция саратовских и тем более московских властей представляется куда более мягкой. Объясняется это борьбой между двумя всесоюзными ведомствами: Постоянной комиссией по вопросам культов при ЦИК СССР и НКВД¹²⁴. Постоянная комиссия по вопросам культов давала указания ВЦИКу, опираясь на существующее всесоюзное законодательство; именно поэтому реакции на жалобы верующих во ВЦИК были наиболее благоприятными. Эта же комиссия могла привлекать прокуратуру — как и было сделано в ситуации с Михаило-Архангельской церковью в Питерке. Местные власти, однако, опасались исполнять всесоюзное законодательство в отношении религии: для них угроза быть арестованными за саботаж при выполнении указаний Политбюро ЦК ВКП(б) была гораздо более ощутимой, чем перспектива понести наказание за «перегибы» при их исполнении¹²⁵. Именно поэтому

¹²³ Подробнее про идентичности в СССР см., напр.: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993; Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии. М., 2003.

¹²⁴ См., напр.: Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной центральной Комиссии по вопросам культов (1929—1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2009. № 31. С. 41—76; Кочетова А.С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК: 1929—1934 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2012.

¹²⁵ См.: Яковлева Ж.В. «Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!»...

Питерский райисполком был так настойчив в своем курсе на закрытие церквей. Все аресты представителей православных общин и священников проводились НКВД. На всесоюзном уровне в административной борьбе победила та же структура: в апреле 1938 года Постоянная комиссия была упразднена¹²⁶.

Нельзя не отметить и стойкость самих общин. В борьбе за сохранение церквей их представители использовали следующие приемы: публичное проклятие (село Алексашкино), публичный отказ от закрытия церкви (село Алексашкино), отказ подписывать документы (село Малый Узень), отказ выплачивать стоимость несуществующих предметов культа или строений (села Питерка, Мироновка, Малый Узень), жалобы в различные исполнительные органы власти (села Малый Узень, Новотулка, Мироновка), организация новых общин верующих (село Малый Узень).

В качестве акта сопротивления выступало и приобретение общиной новых предметов культа (села Малый Узень, Мироновка), позволявших продолжать проводить службы. Косвенные упоминания о наличии новых предметов культа могут свидетельствовать о существовании относительно постоянного их производства, например, в домашних условиях. Такое производство, в свою очередь, говорит о наличии достаточно устойчивой и долговременной системы сопротивления.

«Религиозные общества» формально продолжали некоторое время действовать и при закрытых церквях. Там, где церкви закрывались после отказа в удовлетворении жалоб, по-видимому, прекращали регистрацию и религиозных сообществ. Однако по известным нам документам этого проследить нельзя. Вопрос о статусе «религиозного общества» после закрытия церкви остается на данный момент открытым.

В быту даже после закрытия церквей и формального исчезновения православных общин население сел и деревень оставалось религиозным. Так, по воспоминаниям одного из авторов статьи, в 1974 году, когда в селе Агафоновка у него умерла бабушка, гроб с телом усопшей был выставлен на середину самой большой комнаты, в правом углу от входа в которую висело несколько икон разных размеров. Были зажжены свечи, и две приглашенные старушки, которых называли отчитчицами,

¹²⁶ См.: Одинцов М.И. Указ. соч. С. 215.

всю ночь читали какие-то религиозные книги. Наутро им заплатили деньгами и продуктами, и они ушли. При этом в селе не было церкви, священника или общины.

Другое свидетельство было зафиксировано в 2016 году преподавателями и студентами Саратовского государственного университета во время диалектологической экспедиции в Алексашкино и бесед со старожилами села. Одна из жительниц, Мария Васильевна Шашкина, 1923 года рождения, вспоминала: «Я ходила в церковь — небольшая была, парами ходили. Мою сестру венчали там. Когда человек умирал, его обязательно отпевали и отчитывали. У моего отца Библия толстая была — он ее все время читал. К нам даже приходили бабушки и просили, чтобы он почитал им Библию — и он читал»¹²⁷.

Эти воспоминания наряду с зафиксированными в документах случаями многолетнего сопротивления членов общин свидетельствуют, что хотя церкви и были закрыты, социальные структуры, связанные с Церковью, продолжили свое существование. Неофициальные, не имеющие государственной поддержки или признания, они тем не менее оказались достаточно жизнеспособными для того, чтобы сохраниться до мая 1991 года, когда Русская Православная Церковь получила статус юридического лица.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Архив управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Саратовской области. Д. ОФ-21726 по обвинению Евстифеева В.И. и еще девяти человек.
2. Архив управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Саратовской области. Д. ОФ-20105 по обвинению Фадеева А.В. и еще шестерых человек.
3. Интервью со старожилами с. Алексашкино. [Видеозапись.] 2016. Из личного архива Зарубина Д.Е., Зарубиной Е.Д.
4. Воспоминания Шустова В.А. в интервью В. Меринковой. [Аудиозапись.] 2019. Из личного архива Зарубина Д.Е., Зарубиной Е.Д.

¹²⁷ Видеозапись интервью передана одному из авторов статьи руководителем диалектологической экспедиции Мурзаевой Т.И. и находится в личном архиве.

5. Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-522. Оп 1. Д. 306.
6. История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. М.: Политиздат. 1959.
7. Новоузенский уезд в естественно-историческом и хозяйственном отношении с приложением картограмм и диаграмм. По данным обследования 1908 г. Ч. 1—2. Новоузенск: Издание Новоузенского уездного земства. Типография общества трудовой помощи. 1912. 450 с.
8. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг.: Сборник документов / Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М.: Россия молодая, 1996. 304 с.
9. Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», принятом 11 февраля 1930 г. // Одинцов М. И. Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма: 1917—1953 гг. М., 2014. С. 194.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1688.
11. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 19. Д. 228 (Клировая ведомость о церкви Михаило-Архангельской, Новоузенского уезда, Самарской епархии в селе Питерка за 1913 год). Л. 214.
12. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 9. Д. 228 (Клировая ведомость о церкви Покрово-Богородицкой, состоящей в Новоузенском уезде Самарской епархии в слободе Малый Узень за 1913 год). Л. 152.

Литература:

13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках распространения национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
14. Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918—1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Петрозаводск, 2006. 269 с.
15. Герман А. А. Из истории крестьянского сопротивления коллективизации в Саратовском Поволжье // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2017. № 3. С. 407—416.
16. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / 2-е изд. М.: РОС-СПЭН; Фонд первого президента РФ Б. Н. Ельцина, 2008. 400 с.
17. Зиновьев А. А. Русская трагедия. Гибель утопии. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003. 508 с.

18. Козлов Ф. Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 — начале 1940-х гг.: по материалам Чувашии. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2009. 258 с.
19. Кочетова А. С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК: 1929—1934 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2012. 208 с.
20. Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: Власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930 гг.). Волгоград: Перемена, 1997. 366 с.
21. Малюкова Э. Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и советской власти в 1918—1937 гг.: на примере Пензенского края. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2010. 196 с.
22. Одинцов М. И. Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917—1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.
23. Ольсевич Ю. Я. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М.: Эконом. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; ТЕИС, 2000. 159 с.
24. Подмарицын А. Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе: 1917—1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2005. 252 с.
25. Покровская С. В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность: 1925—1947 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2007. 195 с.
26. Приказчикова О. Б. Деятельность Постоянной центральной Комиссии по вопросам культов (1929—1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2009. № 31. С. 41—76.
27. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков и др.; под общ. ред. Ю. А. Левады. М.: Мир; Океан, 1993. 300 с.
28. Фицпатрик Ш. Сталиньские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 422 с.
29. Фурман Е. Л. «Как ломали нэп»: раскулачивание и коллективизация крестьянских хозяйств в 1928—1930 годах в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2. С. 58—64.
30. Шийко В. Г. Формирование нового индустриального базиса для инновационного социально-ориентированного развития России //

Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13–1. С. 130–132.

31. Яковлева Ж.В. «Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь не верующие!»: Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х — начало 1940-х гг.). Саратов: Техно-Декор, 2020. 252 с.
32. Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье: на примере борьбы с православием (конец 1920-х — начало 1940-х гг.) // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 119–127.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2023,
одобрена после рецензирования 15.01.2024,
принята к публикации 16.01.2024.*

Article

UDC [94:271.2](470.44-25)[1930/1937]+929

For citation:

Zarubin D., Zarubina E. «Klyuchi ot tserkvi otobran»: zakrytiye tserkvey v kontekste sotsial'noy politiki kommunistov v Piterkom rayone Saratovskoy oblasti v 1930–1937 godov. ["Church keys seized": church closure in the context of the social policy of the Soviet government in the Piterka district of Saratov region in 1930–1937] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2024. No 1 (24). pp. 66–103.
DOI: 10.56621/27825884_2024_24_66

Dmitry Zarubin,

Editor of the newspaper "Landmark",
Starooskolsky Plant of Automotive Electrical
Equipment named after A.M. Mamonov,
54 Vatutina str., Stary Oskol, Belgorod region,
309507, Russian Federation
z13711@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2162-6745

Evgeniya Zarubina,

Candidate of Sciences in History,
Research Fellow,
Oriental Written Sources Department,
Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka str., Moscow,
107031, Russian Federation
e.zarubina@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-7520-4281

"Church Keys Seized": Church Closure in the Context of the Social Policy of the Soviet Government in the Piterka District of the Saratov Region in 1930–1937

D. ZARUBIN, E. ZARUBINA

Abstract: Church buildings in pre-revolutionary Russia served as centers of ritual and social activity. The most active villagers united around them and played an essential role in maintaining the village's ecclesiastical infrastructure.

While discussing the anti-religious politics enforced after 1917, researchers highlight its ideological component. The presence of this aspect is beyond doubt, but in the current paper we see the closure of the Orthodox churches as a part of the social politics of the new government, aimed at building «Soviet society» as opposed to the pre-Revolutionary system of social institutions. The subtraction of church buildings as a physical representation of the old order was an inseparable part of this policy.

In this paper, we analyze the strategies of the local Soviet authorities aimed at closing the churches in the villages of Small Uzen', Mironovka, Aleksashkino, and Piterka (the modern Piterka district of Saratov region). The paper's aim is twofold: we seek to first reconstruct the chronology of events that led to the churches' closure. Second, we aim to trace the strategies, methods, and practices used by local authorities to destroy civil-ecclesiastical social structures through the seizure of church buildings. Another important aim of our study is to highlight the resistance shown by village communities and document the names and individual stories of the people connected to the ecclesiastical infrastructure.

The research uses previously unknown documents from the state archives of the Samara and Saratov regions, the archive of the Administration of the Federal Security Service in the Saratov region, supplemented by villagers' memories.

Keywords: social policies of communists, churches' seizure, Volga region, 1930s, village communities, resistance, Saratov region.

REFERENCES

1. Anderson B. (2016) "Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh rasprostraneniya natsionalizma" [Imaginary communities. Reflections on the origins of the spread of nationalism]. Moscow. (In Russian).
2. Fitzpatrick Sh. (2001) "Stalinskiye krest'yane: sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: derevnya" [Stalinist peasants: Social history of Soviet Russia in the 30s: Village]. Moscow. (In Russian).
3. Furman E.L. (2011) "«Kak lomali nep»: raskulachivaniye i kollektivizatsiya krest'yanskikh khozyaystv v 1928–1930 godakh v Avtonomnoy sovetskoy Sotsialisticheskoy respublike nemtsev Povolzh'ya" ["How the NEP was broken": the dispossession and collectivization of peasant farms in 1928–1930 in the Autonomous Soviet Socialist Republic of the Germans of the Volga region]. In: "Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya" [Bulletin

- of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships]. No. 2. pp. 58–64. (In Russian).
4. German A.A. (2017) "Iz istorii krest'yanskogo soprotivleniya kollektivizatsii v Saratovskom Povolzh'ye" [From the history of the peasant resistance of collectivization in the Saratov Volga region]. In: "Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya" [Izvestia of the University of Saratov. New episode. Series History. International relationships]. No. 3. pp. 407–416. (In Russian).
 5. Gregory Paul. (2008) "Politicheskaya ekonomiya stalinizma" [Political savings of Stalinism]. Moscow. (In Russian).
 6. Krapivin M.Yu. (1997) "Nepriumannaya tserkovnaya istoriya: Vlast' i Tserkov' v Sovetskoj Rossii (oktyabr' 1917 — konets 1930 gg.)" [Unreliable church history: power and church in Soviet Russia (October 1917 — the end of 1930)]. Volgograd. (In Russian).
 7. Levada Yu.A. (ed.) (1993) "Sovetskiy prostoy chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh" [Soviet simple man: the experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Moscow. (In Russian).
 8. Odintsov M.I. (2014) "Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953 gg." [The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist socialism. 1917–1953] Moscow. (In Russian).
 9. Olsevich Yu.Ya. (2000) "Planovaya sistema v retrospektive. Analiz i interv'y u s rukovoditelyami planirovaniya SSSR" [Planned system in retrospect. Analysis and interviews with USSR planning managers]. Moscow. (In Russian).
 10. Prikazchikova O.B. (2009) "Deyatel'nost' Postoyannoy tsentral'noy Komissii po voprosam kul'tov (1929–1938 gg.)" [Activities of the standing Central Commission on Cults (1929–1938)]. In: "Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi" [Bulletin of the Orthodox Holy Tikhonovsky University. Series 2: History. The history of the Russian Orthodox Church]. No. 31. pp. 41–76. (In Russian).
 11. Shiko V.G. (2018) "Formirovaniye novogo industrial'nogo bazisa dlya innovatsionnogo sotsial'no-oriyentirovannogo razvitiya Rossii" [The formation of a new industrial basis for the innovative socio-oriented development of Russia]. In: "Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya" [Russia: Trends and development prospects]. No. 13–1. pp. 130–132. (In Russian).

12. Yakovleva Zh.V. (2020) "«Marsh otsyuda... Tserkov' zakryta! Veruyushchiye teper' ne veruyushchiye! Antireligioznaya kompaniya v Saratovskom Povolzh'ye (konets 1920-kh nachalo 1940-kh)»" ["The march from here ... the church is closed! Believers are now not believers! Anti-religious company in the Saratov Volga region (late 1920s of the 1940s)"]. Saratov. (In Russian).
13. Yakovleva Zh.V. (2020) "Antireligioznaya kompaniya v Saratovskom Povolzh'ye: na primere bor'by s pravoslaviyem (konets 1920-kh — nachalo 1940-kh gg.)" [Anti-religious campaign in the Saratov Volga region: on the example of the fight against Orthodoxy (late 1920s-early 1940s)]. In: "Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya" [News of the University of Saratov. New episode. Series History. International relationships]. Vol. 20, issue 1. pp. 119–127. (In Russian).
14. Zinoviev A.A. (2003) "Russkaya tragediya. Gibel' utopii" [Russian tragedy. The death of utopia]. Moscow. (In Russian).

*The article was submitted 19.11.2023,
approved after reviewing 15.01.2024,
accepted for publication 16.01.2024.*